

Читайте в серии
«Архивы проклятых дел»:

Вэнди Эттвуд
ПОХОРОННОЕ БЮРО «СЕСТРЫ РОУ»

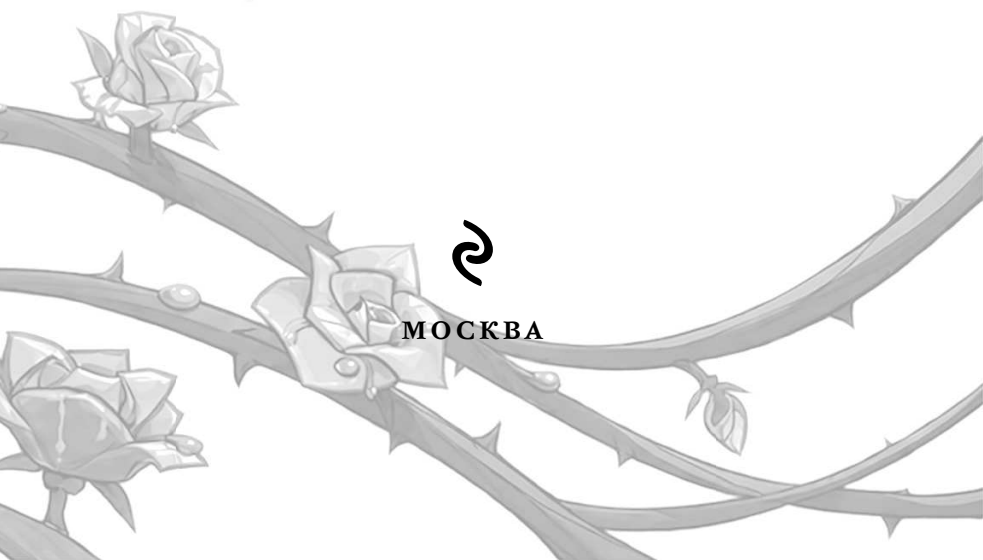
Мара Вересень
ДОМ, ГДЕ ЖИВЕТ ЧУДОВИЩЕ

МАРА
БЕРЕСЕНЬ

Дом,
ГДЕ ЖИВЕТ
Чудовище

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В31

Иллюстрация на обложке Любви Боггенко (*Herba Alba*)

Макет Анастасии Грищенко

Художественное оформление Игоря Пинчука

Вересень, Мара.

В31 Дом, где живет чудовище / Мара Вересень. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Архивы проклятых дел).

ISBN 978-5-04-243728-1

Поместье над обрывом, скрытое от людских глаз, где цветут розы и гибнут служанки, — идеальное убежище для той, кто бежит от собственного отражения и не смеет произнести свое имя вслух.

Элира получает место помощницы экономки в имении затворника, окутанном туманом и пугающими слухами. Говорят, лорд Эдсель, погубивший трех невест, — проклятое чудовище, которое никогда не снимает серебряную маску. Однако за ней он скрывает не только изуродованное лицо, но и израненную душу.

Вскоре между двумя изгоями возникает притяжение — опасное, запретное, сильнее страха и здравого смысла. Элира не верит слухам до тех пор, пока в поместье одна за другой не начинают погибать служанки. К тому же жандармы находят улики, связывающие со смертями и хозяина имения, и его новую помощницу.

Кто охотится на служанок? Почему вещи Элиры и Эдселя находят в местах преступлений? И главное — способны ли два человека с темным прошлым доверять друг другу, когда каждый из них может оказаться виновным?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-243728-1

© Мара Вересень, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

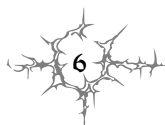
1

Элира

Дикие плетистые розы пахли перед грозой совершенно необыкновенно. Эта часть сада заросла так густо, что остов беседки, статуи и некоторые деревья прятались под ними, как старушки под шальями. Часть древней, покрытой трещинами ограды тоже скрывалась под колючими ветвями. А дальше было море. Берег резко обрывался вниз, а море широко раскидывалось за ним. Кроваво-красное солнце тонуло в темной воде, подсвечивая ее багровым. Тяжелая низкая тень, клубясь, наползала со стороны города.

Стоило спрятаться здесь, в краю, где дождей бывает меньше всего, как в первую же неделю поймать грозу?

Готьёра. Побережье. Курортные городки и рыбацьи деревни, сплетни вместо новостного листка, все друг другу родственники. Во всяком случае, местные жители. Но обилие приезжих отдыхающих, особенно в сезон, оказалось решающим. И минимум дождей.

По местным поверьям, очень-очень давно морская нимфа, обозлившись за что-то, наложила проклятие на Ста́тчен, чтобы тучи обходили его стороной. Тогда ушлый наместник подумал и сделал природное явление местной изюминкой, организовав ко всему прочему весьма прибыльную торговлю прохладительными напитками. Розовый лимонад можно попробовать только здесь, ведь роз в Готьере растет очень много. Они буквально везде. Забавно, что название городка на аронийском значит именно «городок».

Я попробовала улыбнуться. По ощущениям, вышло не очень. В последнее время у меня совсем не было практики. И зеркало мне тут не помощник. Я избегала своих отражений почти так же тщательно, как и дождя. А море любила. За горькую соль.

До разгула стихии еще было время, и я не торопилась обратно в дом. Смотрела на тревожный закат и мечущихся над водой чаек. Ветер уносил их крики куда-то под обрыв. Так и тянуло заглянуть, куда именно.

Я осторожно положила руки на край белеющей в сумерках ограды и посмотрела вниз. Узкая полоска пляжа была так далеко, что пенные гребни беспокойных волн казались тонкими розоватыми нитками.

На тропинке-серпантине, чуть дальше вправо по склону, где обрыв не был таким крутым, лежала сломанная кукла в платье служанки. Ветер трепал темные кукольные волосы, задира́л подол

кукольного платья, обнажая раскинутые и повернутые под неестественными углами кукольные ноги. Одна рука свешивалась вниз, а голова держалась на тонкой шее. Мечущиеся волосы плотно облепили кукольное лицо, но мне все равно чудился открытый рот. Крики чаек раздавались там же, где лежала сломанная кукла. Казалось, что птицы кричат вместо нее.

Я глотнула густой, сладкий, как розовое варенье, воздух, но он застрял в горле. В глазах сделалось темно, а под руками — пусто. Не выдержав моего веса, древние камни осели, проваливаясь вперед и вниз, к беспокойным волнам и полоскам пляжа.

Глупо... Как глупо...

Шею обжег резко натянувшийся воротник. Пуговицы на груди оторвались и россыпью сиганули прочь от меня, руки с растопыренными пальцами нелепо дернулись, что-то хрупнуло в пояснице, а потом я снова оказалась ногами на земле. И лицом к... черному провалу тени под капюшоном. Лишь подбородок виднелся. И губы. Они двигались. Я улавливала тон, но не могла разобрать слов. Я была занята другим важным делом: вспоминала, как дышать.

Тяжелые руки легли на плечи, сжали, встряхнули и тут же отпустили.

Помогло. Смысл слов стал доходить одновременно с осознанием, что я с почти голой грудью стою перед чужим, совершенно незнакомым мужчиной. Прикрываться было поздно, но руки все равно попытались собрать расстегнутый лиф,

чтобы спрятать непритязательный корсет и то, что он поддерживал.

— Вам понятно? — хрипловато произнесла тень в капюшоне.

Я на всякий случай кивнула.

Мужчина дернул плечом, резко развернулся и пошел прочь.

Громыхнуло. Внезапный порыв ветра сдул капюшон с головы незнакомца, но его рука оказалась быстрее и натянула ткань обратно. Блеснул перстень-печатка. А еще я успела разглядеть неприлично короткие волосы и частые белые пряди с правой стороны в густой темной шевелюре.

Вот и познакомились.

Лорд Алард Эдсель, позвольте представиться, я Элира Дашері, ваша... Кто? В объявлении было «помощница экономки», а в контракте только «нанята в услужение» и список обязанностей. Кто же я?

Я все-таки не удержалась и отправилась посмотреть на куклу поближе. Выбралась из сада через повалившийся забор и прошла к спуску. Затем, цепляясь за старую цепь, протянутую сквозь вбитые в камень скобы, одолела несколько метров ведущей к пляжу головоломной тропки, чувствуя при этом, как дрожат коленки. Присела, выглянула

за край. Ветер тут же растрепал волосы и залепил выбившимися прядями лицо, но...

Пусто. Кукла исчезла. И голоса чаек пропали.

Конечно же, там была вовсе не кукла, девушка-служанка. Если была. А может, привиделось? Со мной случается. Думать об этом было слишком беспокойно и неудобно, но все равно думалось.

Откуда она могла взяться? Из поместья или из города? Я до сих пор не знала всех слуг в доме в лицо, так как они приходили в разные дни и время. Только нескольких горничных и служанок, которые убирали комнаты и следили за вещами хозяина и мадам. Многим было запрещено появляться в жилых комнатах — только на кухне и в хозяйственных коридорах или в других подсобных помещениях, где они выполняли свою работу.

Осторожно отошла от края и, держась за цепь, поднялась обратно наверх. Ветер на тропе казался сильнее, но я убрала волосы с лица, только оказавшись в безопасности.

Небо стремительно темнело. Мне казалось, что тучи ложатся на плечи, как набрякшая от сырости шерстяная шаль. Или тяжелые руки лорда Эдселя. Он касался моих плеч едва ли пару мгновений, но ощущение от его пальцев осталось. Лучше бы осталась кукла на камнях. Это было бы понятнее: пошла домой в деревню короткой тропой, поскользнулась и упала...

Гром оглушил.

— Зачем?.. Зачем?.. Зачем?.. — бормотала я, мчась обратно и уже не заботясь об испорчен-

ном платье и том, что меня кто-то заметит в таком непрезентабельном виде. Молнии плескали по низким клубящимся тучам, рвано подсвечивали неровную дорожку, на которой шею свернуть так же легко, как и на серпантине.

Ограда...

Я бежала, почти задыхаясь и чувствуя, как горло жжет огнем. В саду было уже совсем темно.

Снова ударило. Почти одновременно молния и грохот. Я затылком чувствовала несущуюся с небес воду.

Крыльцо, ступеньки с истершимся краем...

Тяжелая дверь открывалась медленно, будто была заодно с грозой. Но я успела. Юркнула в щель. Захлопнула. И тут же ударил ливень.

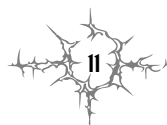
Я дышала сипло, и этот звук эхом разносился по углам полупустого темного холла.

Наверху, на лестнице, шевельнулась тень — более черная, чем окружающий сумрак, — потом раздались шаги, и все стихло. Только ливень злобно колотил по вздрагивающим от раскатов грома стеклам да плескало молниями.

Я отлепила лопатки от двери и, едва переставляя ноги, побрела к себе. Мышцы ныли.

Очень хотелось присесть или даже сразу лечь, но раскисать времени не было. Я и так сегодня опоздала.

Войдя в комнату, я зажгла свечи. Первым делом тщательно проверила задвижки, плотно ли прилегают оконные створки к раме и не сочтется ли вода из пазов, куда вставлены стекла. Но окна оказались в прекрасном состоянии. За

домом ухаживали хорошо. Это сад здесь походил на дикий лес.

Затем я достала из-под кровати зачарованный от сырости старый чемодан, в котором хранились мои травяные обереги.

Пучки, связанные определенным образом, состояли в основном из полыни. Но имелись еще лаванда, зверобой, колючие ветки чертополоха и можжевельника. Вся эта ароматная красота спустя несколько минут была развешана по комнате, у изголовья кровати и разложена на двух широких подоконниках. Как по мне, такие большие окна для маленького помещения — излишество, но это была единственная приличная комната на первом этаже.

Помню, как мадам Дастин, моя нанимательница, сокрушалась и упрекала в недостойном. Мол, мало того что выбрала комнату для прислуги, так еще и зеркало попросила убрать. Не пойму, что может быть недостойного в отсутствии самолюбования. Но настырная в своем желании опекать экономка умело отвлекла меня чаем, сдобренным травяным бальзамом «за знакомство», пока наемные слуги перетаскивали мебель из подготовленной наверху комнаты в ту, что я выбрала сама.

— Это называется компромисс, милочка, — довольно улыбалась она, когда я разглядывала новую обстановку.

И тогда я поняла, что мы точно подружимся. Я бывала такой же упрямой в стремлении сделать все по-своему.

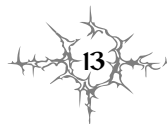
Мое знакомство с Лёксией Дастин началось с объявления в новостном листке о том, что в поместье Эдсель требуется помощница экономки.

Мне нужно было срочно уехать из Равена — приграничного городка, где я спокойно прожила почти полгода. Я спешно искала новое место подальше и уже почти отчаялась. Девушке, если она не вдова, очень сложно найти приличную работу. Потому я посчитала попавшиеся на глаза строчки знаком судьбы. Плюс ко всему в Статчене почти не шли дожди и дом находился не в городе.

Вообще-то я надеялась на место сиделки или наперсницы, в крайнем случае гувернантки, но тогда решила, что справлюсь и с ролью помощницы экономки. Поэтому написала им, приложив копию одной из рекомендаций. А на следующий день прибыл магический вестник с приглашением и оплаченным проездом почтовой каретой до Статчена.

Путешествие вышло скорее утомительным, чем увлекательным, хотя в карете было свободно и в окошко посмотреть было на что. Вот только лавка оказалась настолько неудобной, что я на каждой остановке выходила размяться. Заодно и багаж проверяла. Там были не сокровища, но я привыкла к своим немногочисленным вещам: книгам, туалетному набору, платьям, которые не мешало бы обновить.

После прибытия на место и разгрузки багажа мне быстро удалось нанять извозчика до поместья Эдсель. Нужно было только немного подо-

ждать, пока коренастый усач разберется со своими делами.

Я прихватила свой чуть потертый, но еще вполне приличный саквояж, оставив прочее под присмотром станционного сторожа, и с удовольствием устроилась во дворе на скамейке. Она была на порядок удобнее той, на которой я проехала ночь и бóльшую часть дня.

Чтобы не скучать, я достала книгу, но к чтению приступить не смогла. На меня смотрели. Очень пристально и изучающе. Взгляд принадлежал молодому мужчине в одежде, напоминающей мундир. Он стоял по другую сторону от входа на станцию и делал вид, что рассматривает прибывающие кареты.

Красивый. Даже очень. Темноглазый, с высоким лбом и копной вьющихся рыжевато-каштановых волос, собранных на затылке в нарочито небрежный пучок. У меня даже возникло желание проверить, не выбились ли пряди у меня из прически и аккуратно ли лежат кружева воротника. Но я сдержалась. Не понимаю, что такого, как он, могло во мне заинтересовать? Здесь полно более ярких и привлекательных барышень с чемоданами. У станции останавливались не только почтовые кареты, но и частные. Это было удобнее, чем мыкаться по городку и самостоятельно искать, где обиходить уставших от дороги лошадей.

— Мазель, — меня тронули за плечо, — я там вещи ваши погрузил уже. Пожалуйте и вы.

Я с удовольствием сбежала от взгляда красавца. Слишком дорого мне когда-то обошелся урок о том, что внешняя привлекательность вовсе не гарант порядочности и благородства.

Мы покинули город. Я толком и рассмотреть ничего не успела, только тонущие в цветах улочки окраины.

С час ехали молча. Сбитая до каменной твердости песчаная дорога постепенно тонула в тени старых кряжистых деревьев с гибкими ветвями и узкими листьями, опускающимися почти до земли. Деревья подступали все ближе к краю дороги, почти смыкаясь кронами. Я не знала, как они называются, так как в империи таких не росло, да и жила я в основном в городах и деревьями особо не интересовалась. А потом возница пожелал поболтать. Я ему не мешала, изредка вставляя пару слов, и он продолжал разливаться соловьем.

— Выговор у вас нездешний, дамочка. Из империи к нам? Неужели своих морей нет? — заговорил усач. — У нас тоже хорошо. Спокойнее. И сказок с легендами на потеху отдыхающим полно.

Усач обернулся и посмотрел на меня через плечо. Я изобразила интерес.

— К примеру дом нехороший имеется, — хохотнул мужчина в ответ на мою снисходительную мину. — Как раз тот, в который вы едете. Но если вы в услужение, а не в невесты, так и бояться нечего.

— А я похожа на невесту?

— Вы и на служанку не похожи, мазель.

— Что за история с домом?

— Так хозяин проклятый. Лица не показывает. На людях если и появляется, то только в маске. Одни говорят, мол, он стихийный маг, что силу потерял, вторые твердят — эльф, а третьи вообще придумали, будто дракон. Откуда в Готьере драконы? Они все там, в империи. А у нас тихо. Розы вон, море, солнышко. Так что вы в голову не берите. А что невесты мрут, так надо крепкую девку присматривать, а не барышень, что от любого сквозняка с лихорадкой падают или с обрыва. Смотрите-ка, вас уже и встречают, — резко сменил тему извозчик.

Я не успела спросить про обрыв, но удивиться, что встречают, успела. А заодно сообразила, что поросшая дикими розами скала справа, мимо которой мы ехали последние минут десять, вовсе не скала, а ограда поместья.

Усач прыгнул с козел и раскланялся со стоящей у ворот полнотелой, но не оплывшей дамой.

— Как заказывали, мадам Дастин, доставил в целости и сохранности.

Вот пройдоха. Оплату и с меня, и с нанимателя стряс. Кажется, дама верно расценила мое молчаливое возмущение и заставила предприимчивого возницу тащить мой сундук и чемоданы к крыльцу дома самостоятельно. Мужчина посопел, но пререкаться не стал и полез отвязывать багаж. Одна из кованых ажурных створок на воротах намертво вросла в землю, а открытая вторая оказалась слишком узка для экипажа, на котором я прибыла, потому подъехать ближе было никак.